

СОКОЛОВ М. П. — ПРОКУРОРУ РСФСР

СОКОЛОВ Михаил Петрович, родился в 1890-х. Получил высшее юридическое образование. В 1920-х — проживал в Мурманске, работал юрисконсультантом в Севгосрыбтресте, затем — народным судьей 2-го участка (был защитником немецкого капитана парохода, задержанного за незаконный лов рыбы). 4 марта 1925 — арестован, 31 июля приговорен к ограничению проживания на 3 года (-6) и 18 августа освобожден; поселился в Орле. В феврале 1928 — обратился с заявлением к прокурору РСФСР.

<12 февраля 1928>

« П Р О К У Р О Р У Р С Ф С Р

(Копия Коллегии ОГПУ)

Гр<аждани>на СОКОЛОВА Михаила
Петровича, жительствоющего в
г<ороде> Орле по Николо-Песковской
ул<ице>, д<ом> № 18.

З А Я В Л Е Н И Е

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 31 июля 1925 года мне запрещено проживание в г<ородах> Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н<а> Дону, Мурманском крае и пограничных губерниях сроком на три года.

Причиной наложения на меня этого наказания послужили следующие обстоятельства:

В 1925 году я состоял на службе в Мурманской Конторе СЕВГОСРЫБТРЕСТА в должности юрисконсульта. В виду отсутствия в то время при Мурманском Губ<ернском> суде Коллегии Защитников, я был назначен Нар<одным> судьей 2 уч<астка> Мурманска защитником капитана немецкого парохода, задержанного за ловлю рыбы в 12-ти мильной зоне.

По делу капитана я должен был встретиться с германским вице-консулом и в разговорах с ним я не ограничился одним лишь делом капитана, а вел разговоры о предметах, не имеющих отношения к данному делу.

Не отрицая своей вины и считая наложенное на меня наказание справедливым, я прошу обратить внимание на то, что мой разговор с вице-консулом никаких противозаконных целей не преследовал, а был лишь результатом моей опрометчивости, что из приложенных удостоверений Мурманского Губ<ернского> суда и Орловского городского Ор<ловского> жил<ищного> союза видно, что как до моей ошибки, так и после нее я добросовестно работал по моей специальности, и что работа моя никаких нареканий ни со стороны судебных органов, ни со стороны учреждений и лиц, дела которых я вел, не вызывала. Смее думать, что если будут затребованы сведения от Мурманского и Орловского Губ<ернских> судов о моей работе, то эти сведения удостоят и мое знание Советского законодательства, и мое ведение дел в духе и направлении Советского права.

Ограничение в праве передвижения и вследствие этого ограничения, лишение избирательных прав не дают мне возможности использовать в полной мере мой опыт и знания Советского права, и я ходатайствую о сложении с меня ограничения в праве проживания, тем более, что за свою ошибку я помимо ограничения понес еще наказание и в виде содержания под стражей в течение 5½ мес<яцев> с 4 марта по 18 августа 1925 года.

Снятие ограничения послужит мне новым стимулом к приложению всех своих сил и знаний на пользу Советского Союза, и своей работой я буду стремиться к тому, чтобы исправить и загладить свою ошибку.

На основании изложенного я прошу отменить действие постановления Особого Совецания при ОГПУ от 31 июля 1925 года и разрешить мне свободное проживание по всему Союзу.

Прилагаю два удостоверения.

Гор<од> ОРЕЛ.
1927 г<од>»¹.

На заявлении — помета секретаря Помполита:

«По этому заявлению получен отказ в июле 27 г<ода>».

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 267. С. 234. Машинопись.